

УДК 355:94(517)''1222|1223''(045)

А.Б. Головки

РЕЙД ТУМЕНОВ ДЖЕБЕ И СУБЕДЕЯ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ (1222–1223 гг.) В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И REX MONGOLICA

Статья посвящена истории вторжения монгольских войск на территорию Восточной Европы в 1222–1223 гг., анализу обстоятельств их войны с половцами и Русью. Автор делает вывод о неудачном завершении первой попытки монгольской элиты завоевать народы Восточной и Центральной Европы.

Ключевые слова: монгольские завоевания, рейд Джеббе и Субедея, половцы, Русь, битва на р. Калке.

В 1222–1223 гг. народам Восточной Европы впервые пришлось столкнуться с врагом, действия которого через полтора-два десятилетия коренным образом изменят жизнь всего восточноевропейского и, в значительной мере, центральноевропейского регионов. Войска могущественной Монгольской империи, возникшей в Центральной Азии в начале XIII в., в конце зимы-начале весны 1222 г. перешли Кавказские горы и на протяжении почти всего года вели боевые действия с северокавказскими половцами и народами Северного Кавказа, прежде всего – с аланами. Поражение половцев и аланов, продвижение монголов на северо-запад создало смертельную угрозу для населения Северного Причерноморья и Руси.

События, связанные с обстоятельствами вторжения монголов в Восточную Европу, получили неоднократное отражение: в древнерусских летописях [6. С. 61–63; 7. С. 445–447; 8. С. 740–745; и др.]; в трудах арабских историков Ибн аль-Асира (1160–1233) («Ал-Камиль фи-т-тарих / Полный свод истории /») и Ала-ад-дина Ата-мелик Джувейни («Таарих-и джахангушай / История завоевателя вселенной /»); в сборнике трудов персидского автора Рашид ад-Дина; официальной хронике монгольской династии Юань в Китае (1280–1368 гг.) и др. [12. С. 228–229; 13. С. 25–28; 14. С. 20; 16. Р. 297–298]; хронике Генриха из Ливонии [2. С. 222 (I. XXVI, 1)]; реляции Бенедикта Поляка (участник миссии Платона де Карпини к монголам в 1245 г.) [16. С. 54]; «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского [15. С. 105].

В Ипатьевском списке Галицко-Волынской летописи рассказ о войне с монголами начинается словами «**Алецькоє побонице**», внесенными позднейшими переписчиками в текст памятника. Таким названием подчеркивалась главная тема летописного нарратива – история первой войны князей Руси и их половецких союзников с монгольским войском, центральным событием которой была битва на берегу небольшой реки Калки¹ в Северном Приазовье 31 мая 1223 г. Эта история отражена также на страницах Суздальской, новгородских и других летописей. Ученые считают, что в основе всех летописных сообщений лежал единый протограф – Повесть о битве на р. Калке [22. С. 346–348]. Однако почерком, что в каждой конкретной летописи ее авторы, исходя из собственных соображений, редактировали текст протографа, сокращая его фрагменты, а иногда дополняя собственными записями.

Наблюдения над вероятным текстом упомянутой повести и особенно ее вариантами показывают, что фрагменты-дополнения были написаны книжниками, которые симпатизировали: а) галицкому князю Мстиславу Мстиславичу; б) киевскому князю Мстиславу Романовичу; в) владимирскому (волынскому) князю Даниилу Романовичу. Рассматривая эту тему, В. К. Романов обратил внимание на то, что часть текста рассказа Галицко-Волынской летописи о событиях 1223 г. Жанрово переключается с преамбулой-вступлением к этому летописному памятнику [49. С. 79–103]. Есть все основания полагать, что сама Повесть о битве на р. Калке была создана на основе материала группы древнерусских памятников в 40 – 50-х гг. XIII в. Так что обстоятельное изучение древнерусских источников истории битвы на р. Калке чрезвычайно важно для оценки событий войны Руси и половцев с монгольскими завоевателями в первой половине 1223 г. и выяснения роли в этих событиях политических деятелей Руси [63. С. 18–31].

¹ Калка, согласно мнению большинства исследователей, – это современная речка Кальмиус, или приток Кальмиуса Кальчик в Донецкой области. Однако, на наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения Б.В. Черкаса о том, что на самом деле р. Калка находилась намного ближе к Днепру, а именно: в районе речки Конские броды в нынешней Запорожской области. См. [54. С. 54–55].

Источники расходятся начиная с датировки рассматриваемых событий. В историографии с середины XIX в., согласно трудам А. А. Куника, утвердилось мнение, что главная битва (сражение на Калке) произошла 31 мая 1223 г. Тем не менее, ряд современных исследователей считает, что проблема хронологии первой войны монголов с половцами и Русью не является в полной мере решенной [52. С. 217-222; ср.: 61. Р. 283, пр. 283]. Нет, например, ясности, почему в рассказе летописи говорится, что во время битвы на Калке владимирскому (на Волыни) князю Даниилу Романовичу было семнадцать лет, тогда как Галицко-Волынской летописи известно, что в момент смерти отца ему было четыре года. Дата смерти Романа Мстиславича известна – 19 июня 1205 г. [27. С. 30], так что можно полагать, что Даниил родился в 1201 г. Из этого, казалось бы, можно сделать вывод, что столкновение русов и половцев с монголами произошло приблизительно в 1219 г. [45. С. 205, пр. 1]. В пользу такого предположения, казалось бы, свидетельствует и рассказ на Лионском соборе католической церкви в 1245 г. архиепископа Петра, прибывшего из Руси. Выступая перед западными архиереями, он вспомнил, что татары впервые разорили Русь за 26 лет до происходящего собора. В хронике Матвея Парижского этот фрагмент выступления Петра зафиксирован следующим образом: «*Inter quas pro magna parte devastate est Russia, iam sum viginti sex anni (Среди них была опустошена значительная часть Руси, и с тех времен прошло уже двадцать шесть лет)*» [43. С. 89]. Однако в 1219 г. монголы никак не могли сражаться с русскими и половцами, поскольку тогда лишь начиналось их проникновение в Центральную Азию [47. С. 123-128].

Полагаем, что уменьшением возраста Даниила Романовича во время битвы на Калке летописец мог преследовать конкретную цель: поднять престиж своего государя, в таком молодом возрасте проявившего мужество в кровавом столкновении с жестоким врагом, чем, в определенной мере, нивелировать негативное восприятие восточнославянским обществом его участия в событии, закончившемся полным поражением Руси.

Отметим, однако, что, если не брать во внимание указание преамбулы к Галицко-Волынской летописи о 4-летнем возрасте князя в момент смерти отца, Даниил мог родиться и после 1201 г., даже в первые месяцы 1205 г. В последнем случае 18-летний возраст князя и дата битвы (1223 г.) практически совпадают. Однако такие предположения нельзя считать корректными, поскольку возможен и другой расчёт времени рождения волынского князя. Теоретически он мог родиться в один из последних годов XII в., сразу после разрыва брака Романа Мстиславича с его первой женой Предславой Рюриковной и заключения брака со второй, которую Галицко-Волынская летопись в начале XIII в. называет «**княгиня Романова**»².

Что касается информации архиепископа Петра, то объяснить ее намного сложнее. Оригинал выступления не сохранился, а его содержание передано на страницах нескольких западноевропейских хроник, современным событиям [5. С. 125, 151, 179, 181]. Возможно, что импульсом для возникновения датировки первой встречи Руси с монголами Петра стали первые известия о монголах, о которых в Восточной Европе стало известно в 1219 г. [47. С. 123]. Именно в этом году монгольские войска во главе с Чингисханом вторглись на территорию Средней Азии. Учитывая тесные экономические связи Руси с Хорезмом, нет ничего удивительного, что известие о разорении этого государства стало быстро известным в Восточной Европе. Однозначно, что, описывая события первого столкновения Руси с монголами, архиепископ Петр сгущал краски, поскольку тогда боевые действия проходили за пределами Руси в причерноморских степях (только после битвы на Калке монгольские полки непродолжительное время находились в Киевской земле), поэтому его информация о разорении значительной части Руси не может считаться объективной.

Появление указанной даты нельзя понять без учета общих эсхатологических настроений, которые возникли в христианском мире под влиянием страшной кочевнической угрозы. Позже появление татар в Восточной Европе русы восприняли как божье наказание и сравнивали татар, как, например, в Галицко-Волынской летописи, с жестокими библейскими кочевниками – моавитянами, которые воевали против иудеев («**Приде неслышаная рать: безбожные Моавитяне, рекомые Татарове**») [I Цар. 8, 2; 14, 17; и др.; 8. С. 740].

² В источниках не упоминается имя второй супруги Романа Мстиславича. В литературе долгое время существовала традиция называть ее именем Анна, реже – Мария. А. В. Майоров высказал предположение, что светское имя матери Даниила и Василька Романовичей было не Анна, а Ефросиния (см., напр.: [39]). Этот взгляд поддержан в монографии [18. С. 27]. Учитывая дискуссионность вопроса, мы придерживаемся летописной традиции, называя её «**княгиня Романова**» [8. С. 718, 720, 721 и др.].

На Руси и в Западной Европе монголов часто называли «татарами». Этноним «татары» происходит от китайского слова «та-та» или «да-да», но с расширением географии нападений монгольских полчищ он быстро распространяется в странах Западной Азии и Европы. Носители этого этнонима вначале были одним из составных монгольских племен, создавших в начале XIII в. в Центральной Азии свое государство.

В Европе и Азии дефиниция «татары» касалась прежде всего воинов войск Чингисхана, а потом – его наследников. Расширение размеров Монгольской империи, складывание монгольской цивилизации (*Rex Mongolica*), изменения в структуре населения стран, подчиненных монгольской верхушке, меняет смысл понятия «татары»: не только в составе войска Чингизидов, но и в правящем сословии монгольских государственных новообразований были представители многих народов, живших в евразийских степях, что, в частности, касалось элиты государства хана Бату и его наследников в Восточной Европе – Улуса Джучи (позднейшей Золотой Орды), куда вошли многочисленные и тюркоязычные, и другие по этническому составу и языку группы населения Подонья, Поволжья, Приуралья, причерноморских степей и Крыма. Они и станут основой для этногенеза современных казанских, астраханских, крымских и других татар [41. С. 143-145].

На Северном Кавказе, а позже – в прикаспийских и причерноморских степях корпус монгольского войска во главе с полководцами Субедеем-баатуром и Джебе-нойоном появился, как выше отмечено, в 1222 г., и его появление было связано прежде всего, как считают многие историки, с ведением монголами длительной войны с половцами [51. С. 325-331]. В китайской хронике «Юань ши», рассказывающей о походе монгольских войска в Восточную Европу, сообщается, что тогда монголы проводили специальную карательную экспедицию, во главе с полководцем Субедеем, против кипчаков (другое название половцев) [17. Р. 297-298; 37. С. 36]. Однако есть основания сомневаться, что изначально вторжение в Восточную Европу ставкой Чингисхана планировалось именно как карательная экспедиция, поскольку до этого монголам никогда не приходилось встречаться с западными половцами.

В литературе также высказывается мнение, что в то время монголы во главе с Джебе и Субедеем силами двух туменов (в каждом до 10 тыс. воинов) совершали разведывательный рейд в Восточную Европу [23. С. 259-261; 35. С. 78; 25. С. 86; 53. С. 186; 55. С. 47-48; 60. Р. 218], что не может не вызвать возражений, поскольку у монголов в начале XIII в. была прекрасная разведка и осуществлялась она с помощью хорошо подготовленных лазутчиков. В информации венгерских миссионеров, побывавших в Поволжье накануне вторжения войска хана Бату на Русь, сообщается, что они встретили там монгольского посла, который знал венгерский, древнерусский, половецкий, немецкий и татарский языки, то есть фактически был хорошо подготовлен для шпионской работы [1. С. 81]. Указанный рейд Джебе и Субедея в случае его проведения как какой-то «разведки» носил бы крайне рискованный характер, поскольку в случае неудачи монгольское войско оказывалось в окружении вражеских сил, а отход назад через Кавказ могло превратиться в очень опасную операцию.

На наш взгляд, для выяснения цели рейда монгольских туменов во главе с Джебе и Субедеем в начале 20-х гг. XIII в. важна информация из «Тайной истории монголов», где рассказывается о задании, которое Чингисхан дал своим полководцам: «§262. *А Субеетай-Баатура он отправил на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кипчаут, Баджигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Парал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти до самого города Кивамен-Кермен. С таким повелением он отправил Субеетай-Баатура*» [4. С. 188-189].

Этот приказ полководцы получили в 1221 г. Есть основание считать, что Кипчаут – это страна кипчаков, Баджигит – страна башкир, Оросут – Русь, Мачжарат – Венгрия, а город Кивамен-Кермен – это Киев. Таким образом, информация памятника свидетельствует, что в ходе кампании Субедея и Джебе решался широкомасштабный план подчинения стран и народов Восточной и частично Центральной Европы, что однозначно опровергает точку зрения Л. Н. Гумилева о якобы искреннем желании монгольских военачальников заключить мир в самом начале их конфликта с южнорусскими князьями: «... монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства и неспровоцированного нападения мир стал невозможен» [33. С. 501].

Полагаем, что можно согласиться с позицией харьковского историка П. В. Еремеева, который, на основе изучения сохранившихся источников по истории западного похода Джебе и Субедея, считает, что после перехода через Кавказский хребет к их экспедиционному корпусу должны были присоединиться значительные монгольские силы, однако в силу определенных причин этого не случи-

лось [34. С. 36–43]. Известно, что к туменам Джебе и Субедея должен был присоединиться следовавший за ними третий тумен, однако он понес большие потери в Персии, где погиб его начальник Тогу-чар [12. С. 221]. Как отмечает Р. П. Храпачевский, поражение монголов в Средней Азии при Наджуване от приближенного к хорезмшаху Мухаммеду военачальника Инандж-хана заставили Чингисхана направить туда все силы, в том числе и остатки тумена Тогучара [51. С. 326].

При разработке плана западного похода планировалось присоединение к передовым частям Джебе и Субедея значительных сил во главе с сыном Чингисхана Джучи. Они должны были пройти на запад в обход с севера Каспийского моря. Однако Джучи приказа отца не выполнил, чем впоследствии вызвал гнев Чингисхана [34. С. 36–43]. Значительные силы монголов находились в это время в Афганистане и Северной Индии, однако и там, как представляется, у монголов возникли какие-то проблемы [12. С. 225]. Так, весной 1223 г. нарушилось общее руководство Монгольской империей: 10 марта во время охоты на берегу среднеазиатской реки Чирчик упал с лошади и на длительное время был травмирован сам великий каан монголов Чингисхан [19. С. 493]. Так что зимой 1222–1223 г. и весной 1223 г. Джебе и Субедей вынуждены были действовать на свой страх и риск, зная, что помощи они не получают и должны делать ставку только на удачу и собственные военные умения.

Поскольку в походе принимали участие два монгольских тумена, есть основания полагать, что их численность вряд ли была больше 20–25 тыс. воинов [51. С. 326–327]. Летописец пишет, что тогда завоеватели «**придоша на землю Половецкую**» [8. С. 740]. Под «**Половецкую землю**» древнерусские книжники понимали огромную степную территорию от предгорий Карпат и нижнего Дуная на западе до Волги и Северного Кавказа на юго-востоке [48. С. 350–351].

Во время похода 1222 г. монголы на Северном Кавказе разгромили придонское объединение половцев во главе с ханом Юрием Кончаковичем, близким родственником владими́ро-суздальского князя Юрия Всеволодовича [58. Table X. № 8. С. 44]. Во время сражений «**Данил Ковьякович и Юрии ѱбие-на быста, с ним множество Половецъ**» [6. С. 215]. Зимой 1222–1223 гг. монголы, как установили ученые, перешли Керченский залив и зимовали в Восточном Крыму [20. С. 24].

Несчастье заставило остатки подонских, а также приднепровских половцев во главе с ханом Котяном Сутоевичем той же зимой 1222–1223 г. спешно искать помощь на Руси. Из летописей известно, что половецкая делегация во главе с Котяном прежде всего прибыла в столицу Галицкого княжества и обратилась к местному князю Мстиславу Мстиславичу с просьбой организовать совместный поход русов и половцев против монголов. После этого обращения князь Мстислав, как пишет новгородский летописец, «**нача молитися князям рѹским**» [6. С. 261].

Мотивацию действий Мстислава Мстиславича, вероятно, не следует выводить только из его приверженности к военному рвению [18. С. 76], мысль о котором напрашивается, если вспомнить многочисленные характеристики историками этого правителя как бесшабашного рубаки. Однозначно, что решение галицкого князя в значительной мере объясняются его давнишними тесными связями (в том числе и родственными) с правителем Приднепровского объединения половцев Котяном [29. С. 78–87]. Однако главным для Мстислава было осознание большой опасности для Руси со стороны появившихся захватчиков, которую нужно было ликвидировать. Безусловно, что на Руси в то время уже была информация о боевых действиях и успехах монгольских войск.

Половецкая верхушка обратилась прежде всего к Мстиславу как наиболее авторитетному в то время князю на юге Руси, который недавно добился больших успехов в борьбе с венграми [24. С. 184–186]. После предварительных переговоров в Галиче решили провести специальный съезд князей в Киеве, куда направились Мстислав Мстиславич и представители половецкой верхушки во главе с Котяном. В Киеве тогда правил двоюродный брат галицкого князя, представитель смоленской династии Мстислав Романович. Кроме указанных персон, в обсуждении участвовали черниговский князь Мстислав Святославич, владимирский (на Волыни) князь Даниил Романович и многие менее значительные в политическом отношении князья Южной Руси («бывшю же съвету всех князей, во граде Киеве» [8. С. 741]). Говоря об этой встрече, летописец обращает особое внимание на то, что «**Мьстислав Романовичъ в Києве, а Мьстиславъ** (Святославич. – А. Г.) **Козельске и в Чернигове, а Мьстиславъ Мьстиславичъ в Галиче, то бо беаху старейшины в Рѹскон земли**» [8. С. 741], то есть фактически подчеркивается особое место киевского, черниговского и галицкого государей в иерархии древнерусских князей из династии Рюриковичей. Л. В. Черепнин полагал, что право распоряжаться Киевской землей и прилегающей к ней территорией тогда связывалось с явлением старейшинства в Русской (Киевской) земле [54. С. 29]. Отметим, что в то время галицкий князь Мстислав владел «причастием» в Киевской земле, поскольку ему принадлежала Торчская волость.

Во время съезда, происходившего в марте–начале апреля 1223 г., вероятно, чтобы добиться большего расположения со стороны князей и для укрепления союза с ними, «великий князь», по выражению летописца, а на самом деле половецкий хан Бастый, крестился. К сожалению, сложно сказать в какой системе подчинения или взаимоотношений находились Бастый и Котян. Возможно, Бастый возглавлял половцев, которые пришли в Приднепровья с Дона. Вероятно, что приднепровские половцы в боях на Северном Кавказе участия не принимали, а когда узнали о победе монголов, сразу решили обратиться за помощью к южнорусским князьям. Именно об этих половцах писал ибн-аль-Асир: «Услышав эту весть (о поражении подонских половцев. – А. Г.), жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских» [13. С. 25-26]. Нельзя исключать, что какие-то половецкие орды искали в то время спасения в Венгрии и Болгарии.

Князья, собравшиеся в Киеве, обратились за поддержкой и к суздальскому князю Юрию Всеволодовичу. Однако, судя по данным суздальской летописи, собранное по приказу князя Юрия войско суздальцев не успело присоединиться к объединенной армии южнорусских князей и не брало участия в войне с монголами. Суздальцы во главе с племянником князя Юрия Васильком Константиновичем узнали о страшном поражении под Калкой, когда они только подошли к Чернигову, то есть в июне 1223 г. [7. С. 446-447]. Отказ Юрия Всеволодовича лично участвовать в походе, медленное продвижение суздальской дружины на юг дало основание Б. Д. Грекову высказать вполне вероятное предположение о том, что суздальский князь не очень хотел помогать участникам антимонгольской коалиции [32. С. 202].

Таким образом, на встрече в Киеве князья приняли решение вместе с половцами отправиться в поход на юг. Руководящие позиции в грядущей военной кампании заняли три Мстислава: Мстислав Мстиславич галицкий, Мстислав Романович киевский и Мстислав Святославич черниговский. Войска южнорусских князей собрались через некоторое время возле пограничного со степью города Канева.

В отличие от более поздних времен конца 30-х годов XIII в., князья сделали реальную попытку объединенными усилиями преодолеть острую опасность со стороны монголов. Но фактически единого командования не было, и решения во время похода (до момента начала военных действий) князья принимали консенсусом. Каждый из них действовал, исходя из собственных соображений, к тому же между князьями существовала личная неприязнь. Не было у южнорусских князей согласованных действий с половцами. В частности, половецкие отряды, кроме собственного государя Котяна, признавали в походе только своего давнего союзника Мстислава Мстиславича галицкого. Одним из руководителей половецкого войска был воевода последнего Ярун.

Поход, вероятно, начался в первой половине апреля 1223 г., когда объединенное войско двинулось на юг. Галицкий книжник написал по этому поводу: «Оттуда же придоша месяца априля и и придоша к реце Днепру» [8. С. 741]. Вопрос о маршруте продвижения и обстоятельства переправы древнерусского войска через Днепр достаточно сложен из-за путанной об этом информации источников, в том числе – сведений наиболее подробной Галицко-Волынской летописи. Существует мнение, что возле упомянутого в летописях Варяжского острова войска коалиции переправились на левый берег Днепра [48. С. 93], однако это мнение противоречит последующим сведениям источников об еще одной переправе через реку объединенной армии [6. С. 261]. На наш взгляд, возле Варяжского острова переправу совершили черниговские и прочие северские полки, которые перебрались на правый берег и соединились с волынскими, галицкими, киевскими и смоленскими ратями, передвигавшимися на юг вдоль правого берега Днепра [50. С. 104].

Место первой переправы четко определено в Суздальской летописи: «Придоша к реце Днепру на Заруб, к острову Варезьскому» [7. С. 505]. Заруб – это древнерусский город на правом берегу Днепра против места впадения в него р. Трубеж. Ему соответствуют археологические слои XII – XIII вв. городища Монастырок между селом Зарубинцы и хутором Монастырок напротив современного города Переяслава-Хмельницкого [42. С. 74; 40. С. 3-18; 46. С. 71-83].

Весной 1223 г. на Днепре собралась довольно многочисленная армия. В ее составе были полки из Галицкой, Волынской, Черниговской и Киевской земель, смоленские дружины, половецкие полки. Кроме того, напряженная ситуация принудила к активным действиям не только кочевников, но и оседлое население причерноморских степей, значительной частью которого были славяне [28. С. 24-35; 30. С. 40-46; 31. С. 28-48; 21. С. 14-37]. В Галицко-Волынской летописи сохранилась информация: «А выгонци Галичская придоша ко Днепру (ошибка летописца, на самом деле тут должен быть

Днестр. – А. Г.) и **приидоша в море**» [8. С. 742]. В тексте памятника дважды упоминаются галицкие войска, которые направились в поход против монголов, однако конкретизация **«выгонци Галичские»** дает основание полагать, что речь в документе шла о представителях населения, жившего в нижнем течении рек Прута и Днестра, вероятно, известных по сообщениям XII в. берладников³.

Упоминание указанного населения, а также в других источниках сообщение о бродниках, которые перешли на сторону монголов еще до битвы на р. Калке, говорит о достаточно большой численности населения славянского происхождения, которое жило в степной зоне Северного Причерноморья. В Галицко-Волынской летописи отмечено, что у **«выгонцев»** было **«лодей тысяча»**. По мнению В. В. Мавродина, их было 35–40 тысяч воинов [38. С. 105], согласно подсчётам В. Т. Пашуто – 40 тысяч [44. С. 250]. Очевидно, что расчет историков сделан, на основе сообщения «Повести временных лет» о том, что в лодьях времен киевского князя Олега во время известного похода на Константинополь в начале X в. помещалось 40 воинов (**«а в корабли 40 мужь»** [7. С. 30]).

Хотя приведенные цифры, вне всякого сомнения, весьма преувеличены, можно допустить, что указанных «выгонцев» было достаточно много. Возможно, вместе с ними прибыла и присоединилась к основному войску часть воинов-пешцев из Волынской и Галицкой земель. Все эти войска, по данным летописи, привели Юрий Домамерич и Держикрай Володиславич (**«бе бо с ними Домамеричь Юрьгини и Держикрай Володиславичь»** [8. С. 742]). Возможно, что речь идет о воеводах галицкого князя Мстислава Мстиславича, которых он специально послал в помощь к берладникам.

Определить хотя бы приблизительную численность объединенного войска русов и половцев сложно, хотя ясно, что оно значительно превышало монгольскую армию. Р. П. Храпачевский полагает, что она могла составить 40–45 тыс. воинов [51. С. 332]. На наш взгляд, указанные цифры несколько преувеличенны, однако можно полностью согласиться с другим выводом ученого о том, что боевые качества и уровень руководства войском коалиции серьезно уступали армии соперника.

Монгольской разведке было известно о подготовке похода русско-половецкого войска, в связи с чем Джебe и Субедeя решили использовать свой традиционный дипломатический прием: зная о непростых отношениях русов с южными соседями, они решили рассорить участников антимонгольской коалиции. Монгольские военачальники предложили князьям вместе напасть на половцев, захватить их имущество и стада. Однако князья отказались вести переговоры и убили монгольских послов. Эта расправа должна была показать решимость настроения русов, поскольку после нее путь к возможным мирным переговорам с монголами для коалициантов был закрыт.

Одним из самых больших недостатков войска русов и половцев было отсутствие единого командования. Никто из старших князей не хотел подчиняться другому. Наиболее решительным в действиях был галицкий князь Мстислав Мстиславич, однако он мог реально управлять только галицкими и волынскими полками (из Волынской земли, кроме Даниила Романовича, прибыли пересопницкий князь Мстислав Ярославич [7. С. 507], шумский князь Святослав Ингваревич и луцкий князь Изяслав Ингваревич [7. С. 509]). Взаимодействие самого галицкого князя с половецкими отрядами, к которым был «прикомандирован» воевода Мстислава Ярун, вероятно, усложнялось также отсутствием единства среди кочевников, которыми командовали ханы Котян и Бастый.

Разобщенность союзнических войск усилилась после их переправы на левый берег Днепра, которая произошла в районе днепровских порогов возле острова Хортица. Проведя разведку, галицкий князь Мстислав Мстиславич, недооценив силы противника и будучи под влиянием существующих у князей стереотипов борьбы со степняками, сложившимися на протяжении XI–XII вв., решил действовать вместе с половцами отдельно от колеблющихся киевского и черниговского князей. На такое решение Мстислава Мстиславича повлияли успехи его войска в предварительных столкновениях с монгольскими передовыми отрядами [23. С. 260].

В результате на левом берегу р. Калки 31 мая 1223 г., когда произошла решающая битва, войско южнорусских князей стояло в трех разных местах. Сначала, благодаря решительному наступлению войска князя Мстислава, русским полкам удалось добиться определенного успеха. Монголы начали отступать, однако отступление для монголов было их привычным маневром, направленном на потерю противником бдительности и четкой организации в ведении боевых действий. Поэтому, когда

³ Иначе эту информацию понимает варшавский историк А. Юсупович, считающий, что **«выгонцы Галичские»** прибыли в Приднепровье непосредственно из Галицкой земли, а слово **«выгонцы»** означало население, которое жило возле рек (типа бродников). См.: [56. С. 114–133].

монголы перешли в контрнаступление и напали на войско половцев, те не выдержали натиска врага и начали паническое отступление, во время которого расстроили ряды войска черниговского князя Мстислава Святославича, с опозданием всё же решившего принять участие в бою. Черниговские воины не успели подготовиться к бою и были смяты половецким отступлением. Это и решило исход битвы⁴. После бегства половцев и жестокого боя галицкий князь Мстислав Мстиславич вместе со своими частями был вынужден отойти к Днепру, где галичане переправились на правый берег.

А во время этих событий киевский князь Мстислав Романович, который придерживался тактики осторожных действий против противника, спрятался за частоколом и в битву не вступил, что, как верно отметил Л. В. Черепнин, имело фатальные последствия и усилило трагические результаты битвы [53. С. 189].

Негативная роль Мстислава Романовича в решающей фазе битвы, на наш взгляд, не получила достаточной оценки у исследователей. Так, один из лучших знатоков истории войны Руси и половцев с монголами английский ученый Дж. Феннел, отмечая предвзятость автора рассказа о битве на Калке в Галицко-Волынской летописи, среди причин поражения русов и половцев называет отсутствие единого командования, измену бродников, неспособность половцев выдержать удар монголов, неподготовленность частей коалиции к согласованным действиям во время боя [50. С. 105-106]. Историк не обращает внимания на то, что руководитель одного из наиболее значительных контингентов объединенного русско-половецкого войска князь Мстислав Романович в наиболее сложный момент столкновения проявил фатальную нерешительность, отказался вместе с приближенными к нему младшими князьями принять участие в боевых действиях в открытом поле. Эта нерешительность стоила жизни многим князьям и простым воинам и была одной из составляющих причин поражения. Вспомним информацию летописей, отмечающих, что тогда погибло десять тысяч киевлян, то есть тех воинов, которые пришли на Калку вместе с Мстиславом Романовичем («**Глаголют бо тако, яко Кыян оди-нех изгыбло на полку том Ю тысяч**») [7. С. 446-447], что свидетельствует о значительных силах, находившихся под руководством киевского князя, которые могли в случае участия в битве существенно повлиять на ее исход.

Дополнительного внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях трех Мстиславов во время калкской кампании. Историки часто обращают внимание на следующую фразу в Повести о битве на р. Калке, якобы объясняющую одну из причин поражения. Когда монголы совершили нападение на галичан и половцев, «**Мьстиславу (Романовичу. – А. Г.) же и другомю Мьстиславу (Святославичу. – А. Г.) сядящема во стану, не ведущема. Мьстислав (Мстиславич. – А. Г.) же не поведа има, зависти раде, бе бо бо котора велика межю има**» [8. С. 743; 62. С. 295].

На наш взгляд, эта информация тенденциозна. Из предшествующего текста рассказа Повести известно, что после переправы через Днепр молодые князья призвали киевского и черниговского князей к решительным действиям, на что черниговский князь Мстислав Святославич, вероятно, не сразу, но отреагировал («**Мьстиславе и другии Мьстиславе не стоита, пондемь противу им**» [8. С. 742]). Действительно, из последующего текста памятника известно, что во время столкновения с монголами на Калке Мстислав Святославич не был рядом с Мстиславом Романовичем, а привел свои части на поле битвы, где и погиб («и много убинство бесчисленое створися, а иных князен гонячи до Днѣпра, б оубиша, князя Мстислава Янѣвского, Изяслава Иновгородскаго, Святослава Шумьскаго, Мьстислава Чернеговьскаго (подчеркнуто нами. – А. Г.) с сыном, Юрья Несвежьскаго» [7. С. 509; 62. С. 295-296]).

Таким образом, автор южнорусской версии Повести о битве на р. Калке (в новгородской летописной традиции отсутствует информация о вражде /«которе»/ между Мстиславами [6. С. 267]), на наш взгляд, фактически стремился хоть как-то реабилитировать киевского князя Мстислава Романовича. Тот не мог не знать о том, что началась решающая битва, но, вместо активной поддержки союзников, он фактически уклонился от этого: в момент, когда другие участники коалиции делали отчаянные попытки отбить наступление врага, по приказу Мстислава Романовича на каменном берегу р. Калки был сооружен частокол, за которым спрятался князь со своим войском.

⁴ М. Ждан отмечал, что «...разгром княжеских войск был вызван не недорозумениями между князьями, а лучшим татарским планированием, высокой квалификацией татарского руководства и превосходством татарской профессиональной армии над украинскими войсками» [35. С. 64].

Рассматривая сохранившуюся в источниках информацию о ходе битвы, необходимо постоянно помнить о тенденциозности в изложении событий летописцами. Поэтому, как нам представляется, не стоит удивляться, что древнерусские книжники ищут причины катастрофы в действиях союзников южнорусских князей – половцев. Однозначно, что в поражении были виноваты далеко не только они одни⁵. Не выглядит реальной и информация новгородской летописи, что в момент панического отступления половцы нападали на древнерусских воинов и грабили их («**инныи вон десятиин прииде конждо во своясы; а инных Половци побеша ис коня, а и инныи ис порта**») [6. С. 268].

Отметим, что восточные – арабские и персидские – памятники, более объективно рассказывающие о битве, отмечают в большей мере, чем древнерусские летописи, длительность и ожесточенность боевых действий на Калке. Арабский автор ибн-аль-Асир пишет о событиях весны 1223 г.: «*Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 году (=4 февр. 1223–23 янв. 1224 г.) двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они (Татары) обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание (напасть) на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по безсилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, (но) потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они наткнулись на них; (для последних это было) совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар; будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу*» [13. С. 27].

У персидского автора Рашида ад-Дина о главном сражении русов и половцев с монголами записано следующее: «*Затем они напали на страну урусов [Русь] и находящихся там кипчаков. К этому времени те заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они начали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушили города, пока не обезлюдили большинство их местностей. Оттуда монголы ушли и присоединились к Чингис-хану...*» [12. С. 229]. Как мы видим, информация двух приведенных памятников практически совпадает и свидетельствует о продолжительности боев между противниками. Однако утверждения источников о двенадцати днях преследования монголов и о неделе боев на Калке, без сомнения, – преувеличения. Об ожесточенности боев сообщает и соратник Плано де Карпини Бенедикт Поляк, который пишет, что во время боя «*крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении*» [16. С. 54].

В упомянутой выше китайской хронике «Юань ши» сообщается, что после подчинения страны кипчаков монгольский полководец Субедей нанес поражение двум государям по имени Мстислав: «*...после того как страна Кинча (кипчаков. – А. Г.) была подчинена, Субедей дошел до реки А-ли-ги (Калка(?). – А. Г.), где встретил вождей Уа-ло-с (русов. – А. Г.) большого и меньшего Ми-чи-с-лао (Мстиславов. – А. Г.). Произошла битва, во время которой последние понесли поражение*» [17. С. 297-298]. Поскольку киевский князь Мстислав Романович фактически не принимал участия в

⁵ Еще большее удивление вызывают констатации историков о какой-то измене, которую якобы совершили бродники и которая стала одной из причин неудачи князей под Калкой (см., напр.: [50. С. 106]). Чтобы изменить кому то, нужно быть, вне всякого сомнения, в системе определенных взаимоотношений с субъектом такой измены. Жители причерноморских степей – бродники – не были подданными южнорусских князей, а поэтому все указания об их измене со стороны ученых некорректны. Из летописного рассказа известно, что вождь бродников Плоския выступил посредником в переговорах между монголами и киевским князем Мстиславом Романовичем, поклявшись в том, что монголы отпустят запертые в лагере киевские полки, если те прекратят сопротивление. Как известно, монголы вероломно нарушили свои обещания. Таким образом, Плоския был не изменником, а реально нарушителем клятвы, но неизвестно, был ли вождь бродников инициатором этого нарушения. Отметим, что весь этот эпизод произошел уже после завершения битвы и на ее результат никак повлиять не мог [7. С. 446].

битве, можно допустить, что в данном фрагменте восточного источника речь идет о галицком князе Мстиславе Мстиславиче и черниговском князе Мстиславе Святославиче.

В литературе часто рассматривается сюжет Повести о битве на р. Калке, согласно которому Мстислав Мстиславич, переправившись через Днепр, приказал уничтожить все лодки, чтобы исключить возможность форсирования водной преграды монголами. В Лаврентьевской летописи об этом записано: «**Мстислав Мьстиславичь преди перебеже Днепр и прииде к лодьем, повеле жещи я, а инья сечи и отринути от брега, бояся по себе погони от Татар, а сам едва убежа в Галичь**»; а Новгородская летопись сообщает: «**Тогда же Мьстиславиць Мьстислав преже перебег Днепр, отрея от брега лодьи, да не идут Татарове по них, а сам одва убежа**» [7. С. 509; 6. С. 266; и др.]. Этот поступок, по мнению историков – позорный, привел к новым жертвам среди отступающих из-под Калки древнерусских воинов [56. С. 517; и др.].

Мы тут не будем долго рассуждать по поводу того, что вследствие переправы все плавающие средства оказались на правом берегу Днепра, что не могло дать монголам возможность быстро овладеть ими, и не будем высказывать общие рассуждения в духе известной загадки про волка, козу и капусту, которых без ущерба для их существования нужно было перевезти через речку. Оказывается, что нет оснований и для особого обсуждения вопроса о достоверности самого летописного сюжета, который, на наш взгляд, был специально записан книжниками, чтобы в очередной раз скомпрометировать галицкого правителя.

У нас есть возможность обратиться к известиям незаангажированного какими-то обстоятельствами памятника. Упомянутый выше ибн-аль-Асир пишет, что после завершения битвы на Калке какие-то русские купцы на кораблях вышли в Черное море («*Тогда собрались многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море (Черное. – А. Г.) в страны мусульманские*») [13. С. 27]. Есть основание думать, что тут речь могла идти о кораблях упомянутых в начале нашей статьи «выгонув галицких», которые после боевых действий возвращались по воде в свои земли.

Таким образом, скорее всего большой паники на берегу Днепра после завершения битвы на Калке не было, и есть основания полагать, что большинство воинов, которым удалось добраться до Днепра, имели возможность или переправиться на противоположный берег, или водным путем на ладьях берладников отправиться домой. Чтобы завершить эту тему, отметим, что несколько позже, во время рейда до города Новгорода-Святополчского, монголы без проблем переправились через Днепр и для этого им не понадобились плавательные средства русов. Вспомним, что францисканский миссионер Плано де Карпини в рассказе о путешествии к хану Бату отмечает хорошие навыки монгольских воинов форсировать даже большие реки [3. С. 52]. В пользу мысли о значительной тенденциозности многих книжников при изложении калкских событий, свидетельствует текст Троицкой летописи, где совсем не упоминается галицкий князь Мстислав Мстиславич и отсутствует история гибели киевского князя Мстислава Романовича [11. С. 306-307].

Однозначно, что русы во время боя понесли очень большие потери, однако наиболее катастрофическими они были в подразделениях, находившихся под руководством черниговского князя Мстислава Святославича и киевского князя Мстислава Романовича. Черниговские части в самом начале битвы не были готовы вступить в бой, а затем их позиции серьезно пострадали во время отступления половцев. Потом черниговские полки были разбиты монгольской конницей. Киевские же воины практически все погибли, поскольку они были вместе со своим князем окружены врагом и спастись не могли.

В Галицко-Волынской и других летописях сохранился подробный рассказ об участии в походе на Калку волынских полков во главе с князем Даниилом Романовичем. Поскольку тексты в упомянутых памятниках практически идентичны, есть основания думать, во-первых, что в основе их был один протограф, а, во-вторых, учитывая апологетичность относительно Даниила самого нарратива, допустить, что он был написан волынским книжником.

Во время марша к днепровским порогам Даниил Романович вместе с воеводой Юрием Домиричем провел разведку на левом берегу, где они встретили монгольские отряды, о чем доложили руководству коалиции [7. С. 506; 8. С. 742]. При форсировании р. Калки князь Мстислав Мстиславич приказал Даниилу быть в авангарде войска. Вместе с волынским князем там были воеводы Семьон Олюевич и Василько Гаврилович.

В ходе ожесточенного боя на Калке Даниил Романович был ранен, а на помощь к нему пришел восточноволынский, из Пересопницы, князь Мстислав Ярославич «Немой»: «**Мьстислав Немь мнив, яко Данил своден быс, потче и сам в не бе бо мужь и тчь крепок, понеже ұжика сын Роману, от племени Володимеря, прироком Маномаха. И бе бо велику любовь имея ко отцю его. Ему же поручивше по смерти свою волость**» [8. С. 744; 7. С. 505; 9. С. 91; 10. С. 341]. После ранения, увидев, что на него напало много врагов, князь Даниил направил своего коня к речке, где «**жда да воды, нив почюти рану на телеси своемь, во брани не позна ея**» [8. С. 744].

Указанные свидетельства очень важны, поскольку пересопницкий князь Мстислав Ярославич после упоминания его в начале 10-х гг. XIII в. на протяжении длительного времени не упоминается в источниках. Приведенная информация свидетельствует о том, что, во-первых, не только на ратном поле, но и вообще во время похода в степь между галицким князем Мстиславом Мстиславичем и волынским князем Даниилом Романовичем поддерживались нормальные отношения и, во-вторых, что Мстислав Мстиславич занимал более высокое место в княжеской иерархии Руси, чем его зять Даниил Романович.

После победы на Калке монголы направились на север, переправились на правый берег Днепра и подошли к южнорусскому городу Новгороду-Святополчскому⁶ в Киевской земле: «**Татаром же, победившим Русьские князя, за прегрешение крстньское, пришедшим и дошедшим до Новгорода Святополчского, не ведающим же Руси льсти их, исходяху противу им со крсты. Они же избиша их вси. Ожидая Бог покаяния крстьяньскаго и обрати и воспятъ на землю восточную и воеваша землю Таногустьску и на ины страны**» [8. С. 745].

Победу монголов на р. Калке в значительной мере можно рассматривать как пиррову. Находясь в эйфории от достигнутого результата, Джебe и Субедей, чтобы продолжить выполнение задания Чингисхана о подчинении монголам народов Восточной Европы, решили напасть непосредственно на территорию Руси. То, что монгольские войска переправились на правый берег Днепра и совсем близко подошли к Киеву, свидетельствовало, что их руководители планировали захватить столицу. Но, вступив в пределы Южной Руси, Джебe и Субедей поняли, что у них нет сил для продолжения рейда, прежде всего – для штурма хорошо укрепленного Киева. Поэтому монгольские полководцы решили покинуть Киевщину и вообще юго-восток Руси и направиться на восток.

Осенью 1223 г. в Поволжье монголы начали войну против волжских булгар, которые применили против соперника тактику партизанской войны, совершая многочисленные нападения на захватчиков. Такие действия привели к фактическому поражению монгольского войска. Ибн-аль-Асир пишет, что после сражений на Волге у монголов осталось всего 4 тыс. воинов [13. С. 27]. В боях был тяжело ранен Джебe, который вскоре умер, а Субедей потерял глаз (с этого времени его стали называть Субедеем Одноглазым).

В 1948 г. казанский историк Х. Г. Гимади сделал вывод, что именно победа волжских булгар на полтора десятилетия остановила монгольское наступление на Восточную Европу [26. С. 189]. Не опаривая это мнение, отметим, что победа волжских булгар вряд ли была бы возможна, если бы перед этим монгольские войска не понесли таких потерь, восстановить которые они не могли, во время предыдущей войны с Русью и половцами в причерноморской степи. Укажем, что в 40-х гг. XIII в. далматинский историк Фома Сплитский отмечал, что сопротивление русов привело к неудаче первого вторжения монголов в Восточную Европу. Описывая события конца 30-х гг. XIII в., Фома писал: «*На пятый год царствования Белы, сына короля Венгрии Андрея, и на второй год правления Гаргана губительный народ татар приблизился к землям Венгрии. А ведь тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространился по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов, разоряя земли, которые они пересекали. Но благодаря сильному сопротивлению рутенов они не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами. Поэтому, свернув в сторону, они с боями прошли по всем северным землям и*

⁶ Новгород Святополчский (Святополч-город) – город, основанный в 1095 г. киевским князем Святополком Изяславичем (1093 – 1113 гг.) на так называемом Витичевском холме, недалеко от древнерусского города Витичева [7. С. 230]. В начале 60-х гг. XX в. эту местность в археологическом отношении исследовал Б.А. Рыбаков. Ученые с Новгородом Святополчским связывают городище между современными селами Витичев и Стайки Обуховского р-на Киевской обл. (приблизительно 57–58 км от Киева).

оставались там двадцать лет, если не дольше. А потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных, они снова повернули против рутенов...» [15. С. 105].

События начала 20-х гг. в причерноморских степях отразились и на ситуации в Венгерском Королевстве. Сокращение нападений на эту страну половцев, ослабленных в войне с монголами, быстро привело к изменению всей системы взаимоотношений венгров с куманами, по отношению к которым венгерская администрация начала политику подчинения их путем пропаганды католицизма [64. Р. 161-162]. Эти изменения позволили королевской власти принять решение об отказе от услуг находящегося в Семиградье Тевтонского ордена [59. Р. 115-117; 66. S. 124-152; 65. Р. 146-147], пребывание которого завершилось там в 1225 г. В конце 20-х гг. большая орда половцев во главе с ханом Борца вообще подчинилась венгерскому королю Андрею II и приняла крещение. Тогда же было создано половецкое епископство в Северном Причерноморье [44. С. 268-271].

В 1223 г. народам Восточной Европы пришлось встретиться с врагом, деятельность которого через полтора-два десятилетия коренным образом изменит жизнь восточноевропейского и в значительной мере центральноевропейского регионов. В отличие от более поздних времен конца 30-х гг. XIII в., многие древнерусские князья в 1223 г. предприняли попытку объединенными усилиями оперативно ликвидировать острую опасность для своей страны. Ценой колоссальных потерь в войне с монгольскими войсками эти усилия на длительное время отвели от Восточной Европы угрозу завоевания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М., Л., 1940.
2. *Генрих Латвийский.* История Ливонии / введение, перев. и коммент. С. А. Аннинского. М., Л., 1938.
3. Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика / ред., вступит. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
4. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием MONGGOL-UN NIᠮUᠰA TOBᠰIYAN. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л., 1941.
5. *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. IX–XIII вв. М., 1979.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1853.
11. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
12. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1, ч. 2. М.; Л., 1952.
13. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
14. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.
15. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / вступит. статья, перев. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.
16. Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / подг. лат. текста и перев. С. В. Аксенова, А. Г. Юрченко; экспозиция и исследование А. Г. Юрченко. СПб., 2002.
17. *Bretschneider E.* Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources: Fragments towards the knowledge of geography and history of Central and Western Asia from 13-th to the 17-th century. London, 1910.
18. *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2014.
19. *Бартольд В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2: Исследование. СПб., 1900.
20. *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004.
21. *Бубенок О. Б.* Етнічний склад осілого населення причорноморських степів наприкінці X – початку XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 2. Київ, 2002.
22. *Буланін Д. М.* Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987.
23. *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь; Москва, 2004.
24. *Войтович Л. В.* Галич в житті Європи XI–XIV ст. Львів, 2015.
25. *Войтович Л. В.* Нащадки Чингіз-хана: Вступ до генеалогії Чингізидів-Джучидів. Львів, 2004.

26. *Гимади Х. Г.* Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. М., 1948.
27. *Головко О. Б.* Останній похід князя Романа Мстиславича в джерелах і історичній пам'яті // Український історичний журнал. 2009. № 4.
28. *Головко О. Б.* Північне Причорномор'я і Приазов'я в політичному та економічному розвитку Русі (IX – середина XIII ст.) // Український історичний журнал. 2014. № 1.
29. *Головко О. Б.* Половецький хан Котян Сутоевич у політичному житті Центрально-Східної Європи першої половини XIII ст. // Хазарський альманах. Вып. 5. Киев; Харьков; Москва, 2007.
30. *Головко О. Б.* Слов'яни Північного Причорномор'я доби Київської Русі та проблеми витоків українського козацтва // Український історичний журнал. 1991. № 11.
31. *Головко О. Б.* Слов'янське населення причорноморських степів XII – першої половини XIII ст. // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Вип. 1. Київ, 1993.
32. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1952.
33. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
34. *Єремєєв П. В.* Військові плани монголів щодо Половецького степу та їх трансформація в ході дальнього рейду Субедея і Джебе (напередодні першого русько-монгольського зіткнення) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 11. Харків, 2008.
35. *Ждан М.* Битва над Калкою і другий напад татар на Україні в світлі «Історії України-Руси» М. Грушевського // Український історик. 1996. №1-2 (9-10).
36. *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
37. *Кычанов А. А.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.
38. *Мавродин В. В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.
39. *Майоров О. В.* Єфросинія Галицька. Біла Церква, 2013.
40. *Максимов Е. В., Петрашенко В. В.* Городище Монастирьок VIII–XIII ст. на Середньому Дніпрі // Археологія. 1980. Вип. 33.
41. *Мухамедова Р. Г., Хисамудинова Г. М., Халиков А. Х.* Татары // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14.
42. *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
43. *Паславський І. В.* Український епізод Першого Ліонського собору (1245 р.). Дослідження з історії європейської політики Романовичів. Львів, 2009.
44. *Паиуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968.
45. *Паиуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
46. *Петрашенко В. В.* Городище Монастирьок VIII–X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.
47. *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе: изд. 2, перераб. и доп. М., 1977.
48. *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
49. *Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г.: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
50. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989
51. *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М., 2005.
52. *Цыб С. В.* Когда была битва на Калке? (Историография вопроса) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Вып. 4. История. Т. 2.
53. *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: изд. 2, перераб. и доп. М., 1977.
54. *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII вв. // Польша и Русь. М., 1974.
55. *Черкас Б. В.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, адміністративно-територіальний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ, 2014.
56. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 2. От начала царствования Изяслава Ярославича до покорения России татарами. СПб., 1771.
57. *Юсупович А.* Галицкие «выгонцы» или «выгонцы»? // *Rossica antiqua*. 2012. №2(6).
58. *Baumgarten N.* Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Romae, 1925.
59. *Biskup M., Labuda G.* Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1986.
60. *Çelik M.* The battle of Kalka and its consequences // Сходознавство. Вип. 57-58. Київ, 2012.
61. *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 – 1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.
62. *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov 1146–1226. Cambridge, 2007.

63. *Fennell J.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 27. Wiesbaden, 1980.
64. *Hunyadi Z.* The Teutonic Order in Burzenland (1211–1225): recent reconsiderations // *L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico: incontri et sconti tra religioni, popoli et culture. Der Deutschen Orden zwischen Mittelmeerraum und Baltikum. Begegnungen und Konfratationum: zwischen Religion, Völker und Kulturen*. Galatina, 2008.
65. *Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads North of the Danube Delta from Tenth to Mid-Thirteenth Century. Leiden, 2009.
66. *Zimmermann H.* Der Deutsche Orden in Burzenland eine diplomatische Untersuchung. Köln, Weimar, Wien, 2000.

Поступила в редакцию 01.07.15

A.B. Golovko

INVASION OF JEBE AND SUBUTAI TO EASTERN EUROPE (1222-1223) DURING THE FORMATION OF THE MONGOL EMPIRE AND PAX MONGOLICA

The article examines the history of first Mongol army invasion to the territory of Eastern Europe in 1222-1223, circumstances of their war against Cumans and Rus'. The author draws a conclusion about unsuccessful endeavour of Mongols to conquer peoples of Eastern and Central Europe.

Keywords: Mongol invasion, Jebe and Subutai incursion, Cumans, Rus', battle on the Kalka river.

Головко Александр Борисович,
доктор исторических наук, профессор
кафедры всемирной истории
Каме́нец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко
32300, Украина, г. Камянец-Подольский, ул. Огиенко, 61
E-mail: alexholovko@ukr.net

Golovko A.B.,
Doctor of History, Professor
at Department of General History
Kamyanets-Podilsky Ivan Ohienko National University
Ohienko st., 61, Kamyanets-Podilsky, Ukraine, 32300
E-mail: alexholovko@ukr.net